

димый элемент социальной изоляции и депривации жизненных функций, то есть локализации в особом «переходном» топосе социального пространства.

Жесткое воспроизведение ритуальных путешествий в мир смерти в поисках истины и для обретения власти открывает шаманам, врачам и психоаналитикам доступ к власти над телом человека. Поскольку архетип врачевания воспроизводится в исторически вариативных формах, то каждая из них отсылает к своим специфическим первичным разбиениям человеческого существа на душу и плоть, сознание и тело, и т.д.⁷. Точнее говоря, акт установления властного отношения и есть процедура, разрывающая исходно недифференцированное существование на то, что властвует (метафизический центр субъективности), и то, над чем властвуют (физическое существо телесности).

Примечания

- ¹ Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш.Тхостова. М., 1998. С. 295.
- ² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики. Т. 1. М., 1974. С. 397.
- ³ Тищенко П.Д. Причинность, интенциональность и божественное «Да будет (Fiat!)» // Границы познания. Философия, наука и культура в XXI в. Кн. 1. М., 2007. С. 237–258; Онтология времени и божественное «Да будет! (Fiat!)» // Синергетическая идея времени. М., 2007. С. 48–65.
- ⁴ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 104–124.
- ⁵ См.: Тищенко П.Д. О технологиях разбиения человеческого существа на душу и тело // Логос живого и герменевтика телесности. М., 2005. С. 269–289.
- ⁶ Coleman D. Holographic Memory: An Interview with Karl Pribram // Psychology Today. 1979. Vol. 12. № 9. P. 80.
- ⁷ См.: Тищенко П.Д. О технологиях разбиения человеческого существа на душу и тело. С. 269–289.

Ф.Г. Майленова

Нравственно-психологические основания типичных проблем с авторитетом власти

Власть и насилие

Властью называется возможность заставить или убедить кого-то действовать определенным образом – так, как нужно тем, кто этой властью обладает. Почти каждый человек обладает определенной степенью власти по отношению к другим людям и, соответственно, для каждого есть определенное количество людей, которые обладают властью над ним, т.е. могут заставить или убедить совершать те или иные поступки. Причем в разных жизненных контекстах мы можем выступать то в роли подчиненных, то в роли лидера: например, руководитель отдела, авторитарно решающий множество вопросов на производстве, может полностью делегировать решение каких-то важных домашних вопросов супруге, оставляя себе лишь право совещательного голоса. Или, независимо от статуса, любой человек будет хотя бы на короткое время практически абсолютно подвластен охраннику на входе в режимное учреждение или сотрудникам службы таможни и паспортного контроля при переезде через границу.

В зависимости от занимаемого положения в обществе у каждого человека может оказаться либо больше тех, кому он подчиняется, либо тех, кто подчиняется ему. Кажется логичным предположить, что наибольшей властью обладают те, кто находится ближе к вершине этой пирамиды. С формальной точки зрения так именно и есть. Однако кроме внешнего проявления власти существуют другие аспекты ее восприятия. Власть, исходящая сверху, может ощущаться отдельным индивидом гораздо слабее,

нежели власть тех, у кого он находится в прямом подчинении, пусть первая и распространяется на большее количество людей. Таким образом, властные отношения как бы рассредоточены по всему обществу, и для нас особый интерес представляет их субъективное восприятие. Каким образом формируется и действует готовность людей принимать одну власть, подчиняться одним людям и правилам и в то же время решительно отвергать другую? Каковы изменения в восприятии власти в зависимости от социальных и психологических условий? Отчего люди соглашались на самые порой чудовищные проявления деспотизма и тем самым его поддерживают?

Любая – власть это насилие, ограничение свободы отдельно взятой личности. Отношение к этому факту – неизбежности сочетания власти и насилия – может быть различным: от спокойного принятия и одобрения до предельного негодования, стремления отказаться от любой власти вообще, даже если она разумна и необходима. Известно, что полное отсутствие власти, а также некоторого насилия, которое неизбежно ей сопутствует, приводит к хаосу, о чем большинство людей знает или догадывается. Однако отношение к насилию, особенно к злоупотреблениям, не может быть однозначным. На это отношение влияют, кроме всего прочего, господствующие в обществе представления о природе человека. Если человек рассматривается как существо разумное, способное договариваться с себе подобными, склонное подчиняться законам и правилам, понимая их разумность и целесообразность, насилие будет скорее исключением, нежели правилом. Обратная же точка зрения – представление о человеке как о существе агрессивном, не способном добровольно ограничивать свои эгоистические импульсы, нуждающемся в принуждении к порядку, – приводит к тому, что общественные институты строятся таким образом, что власть носит характер подавления. Причем влияет это не только на политическую жизнь, но и на общепринятый стиль взаимоотношений между руководством и подчиненными на предприятиях, в школах, а также (что особенно важно) на отношение к детям. Последнее наравне с принятым стилем воспитания отражается на взаимоотношениях между взрослыми и детьми в семье, в детских учреждениях.

Как это ни парадоксально, к увеличению насилия приводит также ориентация на некий идеальный мир, построение или достижение которого переносится в день завтрашний. Наиболее жестокое воспитание свойственно тем педагогическим системам, которые основываются на убеждении, что задача ребенка – максимально хорошо подготовиться к взрослой жизни, независимо от того, получает он удовольствие от жизни и учебы сегодня или нет. Сегодняшний день – лишь переходный этап на пути к достижению дня завтрашнего, он средство, а не самоцель. Перенос внимания с текущего момента жизни на неопределенное будущее обесценивает момент настоящий и тем самым саму жизнь индивида, которая протекает здесь и сейчас.

В жизни политической можно видеть, как ради достижения прекрасного будущего (победы над врагом – реальным или вымышленным, достижения мира и демократии на всей земле и т.п.) становятся приемлемыми любые формы насилия. Отсюда несложно сделать и следующий шаг: человек сам по себе, его здоровье и даже сама его жизнь тоже не являются самоцелью, а представляют собой лишь средство для достижения высшей цели. Поиск врага и мобилизация всех сил на борьбу с ним – верный способ сплотить людей и одновременно усыпить их бдительность, подчинив их идейно. Элемент добровольности в подчинении необходим даже для самой авторитарной власти. Согласие с целями, которых стремится достичь власть, означает если не полную гармонию, то хотя бы частичную идентификацию с самой властью: это наша власть, борется за наши интересы. Когда есть такое чувство общности с властью, ее легитимность значительно повышается.

Цели, которые могут сплотить власть и народные массы, подчиняющиеся ей, могут быть различными. Самая популярная и часто используемая – борьба с общим врагом. Ощущение угрозы привычному порядку вещей – начиная от угрозы снижения качества жизни до угрозы самой жизни – предполагает наличие какого-то конкретного источника опасности. Возможность экологической катастрофы, истощение ресурсов страны или земли в целом, враждебные религии, классовые враги, люди другой национальности – всего не перечислить... Грамотное использование этого ресурса обеспечивает власти гарантированный успех.

Популярным является и выдвижение неясных, неопределенных, но эмоционально весьма насыщенных целей. Людям внушается, и они с готовностью в это верят, что их народу или стране предначертано выполнить определенную миссию: обеспечить распространение ислама или христианства, дать миру особую духовность, так или иначе привести человечество к светлому будущему. Согласие с такими высокими и ориентированными на будущее целями делает неизбежным инструментальный подход к сегодняшней жизни, так как сегодня – это лишь трамплин для пути в завтра, и ценность сегодняшнего дня, следовательно, и самого человека, живущего в этом сегодняшнем дне, определяется тем, насколько он приближает день завтрашний. При таком идейном единогласии требования, выдвигаемые властью частному лицу, добровольно и с готовностью выполняются, даже если это означает отказ от каких-то личных прав и свобод.

Люди хотят жить в спокойном и уютном мире, в котором им ничего не грозит. Один из способов создать такой мир – не замечать несоответствия желаемого и действительного, жить так, как будто бы все в порядке. Известно, что заядлые курильщики не воспринимают всерьез данных о вреде курения, так же, как большинство людей не желает надолго задумываться о неблагоприятной экологии или о том, что с ними отвратительно обращаются их близкие, – проще успокоить себя рассуждениями о том, что все обойдется. Этот же механизм самообмана и самоуспокоения срабатывает в ситуациях несправедливости, особенно когда она длится долго и становится неким фоновым явлением жизни. Злоупотребления властью подпитываются и поддерживаются именно этой особенностью человеческой природы. Люди, живущие при диктатуре (будь то диктатура политическая или диктатура начальника в отдельно взятом коллективе), будучи не в силах повлиять на ситуацию, строят для себя иллюзорный мир, в котором диктатору приписываются благородные мотивы и скрытые достоинства. Более того, как ни странно, основным чувством, которое испытывают подданные к своему диктатору, являются не ненависть, а...любовь! Именно любовь позволяет вытеснить страх и ужас в подсознание и продолжать не просто жить в невыносимых (казалось бы!) условиях, но даже радоваться жизни. Конечно, невротическая любовь к источнику насилия – отнюдь не оптимальная,

но, возможно, самая распространенная реакция людей на обстоятельства, в которых они чувствуют себя бессильными. Сказанное справедливо не только по отношению к суровым правителям, но и к непредсказуемым и жестоким родителям – дети (и маленькие, и большие) не перестают любить своих мучителей, не просто прощая и забывая боль и страдания, которые им причиняют, но иногда попросту их не замечая...

Миф о детстве, которое является счастливейшей порой для человека, развенчивается в книге известного швейцарского психотерапевта Плиса Миллера «Драма одаренного ребенка»¹. Шокирует не только масштабность выявленных детских психических травм, полученных в ходе калечащих воздействий воспитывающих взрослых, которые отражаются на личной жизни и социальных успехах взрослого человека и порождают тяжелые психические заболевания. Изумляет и заставляет всерьез задуматься другое: все эти травмы по большей части не просто забыты и вытеснены в подсознание, а нередко трансформируются в воспоминания счастливого безоблачного детства, окруженного любовью и заботой. Принять ужасающий факт, что самые близкие люди – родители – не просто обижали своего ребенка по ошибке или глупости, а действительно наслаждались тотальной властью над беспомощным малышом, готов далеко не каждый взрослый (а в душе каждый остается маленьким ребенком, нуждающимся в любви, внимании и заботе). Искушение безграничной властью над детьми выдерживает далеко не каждый, и неизмерима глубина страданий маленького ребенка, так же как и глубина его любви и потребности в любви, которая заставляет его прощать и забывать. К сожалению, такое вот «обучение» покорности и безропотному послушанию оказывает потом свое влияние во взрослой жизни людей: многие испытывают необъяснимую робость или даже ужас перед теми, кто как-то напоминает им властные фигуры из детства.

Синдром «острого подчинения»

Продолжая исследование человеческой природы, проявляющейся в сложных и неоднозначных столкновениях с властью, коснемся такого аспекта внутренних механизмов восприятия личностью власти, как «синдром острого подчинения». Этот синдром проявляется в том, что многие при конфронтации с людьми, наделенны-

ми властью, начинают им подчиняться как бы помимо собственной воли, теряя себя и чувство своей идентичности. В чем состоят особенности и причины этого феномена?

Хотя *острое подчинение*, к нашему большому сожалению, весьма широко распространенное явление, оно не является всеобщим. Существуют люди, которые с ним не знакомы. Таких немного, но они существуют, что дает повод предположить, что реакция покорности – социальный навык, он благоприобретенный, а не заложен в природе человека генетически. Впрочем, в пользу последнего говорит тот факт, что даже беглое сопоставление с животным миром показывает, что такие понятия, как статус и социальная власть, знакомы не только человеку. Волки и собаки поджимают свой хвост, слоны отступают, в стаях обезьян существуют сложные иерархические статусные взаимоотношения, выражающиеся в жестах и позах покорности и подчинения. При общении с более властным или статусным собратом человек, весь его облик тоже меняется: у него появляется сутулость, он вжимает голову в плечи, садится очень «компактно», сжав колени и сложив руки ближе к телу, как бы стараясь выглядеть ниже ростом и занимать поменьше места в пространстве. Если же происходит непосредственный контакт, можно наблюдать другие интересные метаморфозы в поведении: подчиненный невольно копирует жесты, мимику, интонации авторитетного лица. Такое «отзеркаливание» является явным признаком того, что человек находится во 2-й позиции восприятия, полностью вживаясь в состояние другого. Итак, эта реакция покорности, наступающая иногда столь внезапно и меняющая человека до неузнаваемости, – можно ли изменять ее? Можно ли обучиться не поддаваться ей или хотя бы ослабить ее?

Прежде всего остановимся на некоторых личностных особенностях тех, кто не может не подчиняться власти авторитетов, и тех, кто к ним нечувствителен. Человек, способный начать повиноваться против собственных намерений, теряющий самоопределение и чувство своего «Я», обладает повышенной чувствительностью по отношению к другим. Кроме того, состояние острого подчинения, как правило, вызывается страхом.

Обычно этому феномену подвержены люди робкие, застенчивые, склонные низко оценивать себя, чувствующие недостаток личной силы. Они склонны преувеличивать значимость других

людей (за счет самих себя), очень внимательны к чувствам и настроениям других людей, соглашаться и уступать и, как следствие, могут начать повиноваться против собственных намерений, забыв о своих интересах. Ощущение «Я» у них размыто, т.к. они склонны смотреть на себя так, как им кажется, их видит авторитетное лицо.

В обычном состоянии образ себя выполняет специфическую задачу сообщать человеку о том, чем он или она является среди других, позволяет человеку сравнивать себя с другими и делать выводы о роли и положении в социальной жизни. Страх, парализующий нервную активность, может вызвать кратковременный «синдром острого подчинения» – это объяснимо и с антропологической, и с психофизиологической точки зрения. Существуют лишь две вариации реагирования на стресс: борьба или бегство. Люди со слабой нервной системой поневоле «выберут» бегство, т.е. уход от борьбы.

Если внутренний стержень человека, позволяющий ему чувствовать себя уникальным, заслуживающим уважения, истончен, он становится подвержен влиянию лиц с более выраженной личностной силой. Возникает искушение вывести центр силы, а вместе с этим центр принятия решений и, соответственно, ответственности за принятые решения вовне. В итоге мы можем наблюдать, как человек не просто *теряет себя*, а напротив (как ему самому кажется), *обретает себя в другом*, полностью, некритично и самозабвенно усваивая убеждения, ценности и даже эмоции авторитетного лица. В результате он начинает играть роль, которую, по его мнению, он должен играть, так как этого хочет авторитет.

Позитивная сторона этого качества личности – такие люди являются прекрасными коммуникаторами, способными понять другого, буквально «поставить себя на место другого». Эти качества необходимы во многих помогающих профессиях: врача, психолога, социального работника, адвоката. Талант артиста также предполагает умение вживаться в другого человека, думать и чувствовать, ходить и дышать не так, как привык, а как бы это делал играемый персонаж. Эта способность может быть благословением и проклятием в одно и то же время. Как уже говорилось выше, такие люди становятся прекрасными консультантами, которые знают, что вы чувствуете, лучше вас самих.

В идеале можно научиться входить во вторую позицию восприятия и уметь при этом не только сохранять собственную идентичность, но и целостное видение ситуации. Эта способность отличает хорошего профессионала и просто талантливого коммуникатора. Возможно, в процессе такой коммуникации происходят быстрые переходы туда-обратно от собственной персонификации к восприятию другого как самого себя и к позиции наблюдателя, или же нам придется допустить, что человек способен одновременно находиться во всех позициях восприятия.

Полное отсутствие этого качества – абсолютная неспособность воспринимать других людей – это уже аутизм, тяжелое психическое отклонение, не позволяющее человеку, даже если он хорошо развит интеллектуально и физически, нормально существовать в социуме. Однако именно небольшая степень аутизма является необходимым компонентом лидерства, так как лидер – это тот человек, который сможет руководить и вести за собой, оставаясь уверенным в собственной правоте несмотря на то, что далеко не все с ним согласны, а некоторые и вовсе осуждают его. Чувствительный человек не выносит бремени власти еще и по той причине, что на лидера обрушивается нелегкое испытание в виде сильных, противоречивых и порой просто полярных мнений и чувств тех, кто ему подчиняется. Способность отвлекаться от чувств других людей, не позволять им манипулировать собой – не менее важное качество, нежели способность эти чувства воспринимать и понимать.

В целом люди могут быть «аутичными», т.е. невосприимчивыми к чувствам другого, в разной степени. Большинство людей, страдающих от этого затруднения, – мужчины. Впрочем, они, как правило, страдают меньше, чем их окружение. Так как образ сильного, сурового мужчины предполагает именно способность быстро принимать решения, оставаться независимым от социального статуса других и быть сильным, а значит, не особенно чувствительным к переживаниям других людей, такие люди нередко воспринимаются как уверенные в себе лидеры и пользуются уважением.

Женщины же нередко страдают от избыточной способности входить во вторую позицию восприятия, некоторым едва удается оставаться в первой позиции восприятия: настолько они привыкли слушать других и тут же вживаться в их чувства. Возможно, именно поэтому в структурах власти значительно меньше женщин, не-

жели мужчин. Кроме разницы в особенностях психики мужчин и женщин, на которых мы не будем здесь останавливаться, это объясняется различными социальными ролями мужчин и женщин, складывавшимися в течение многих веков существования человечества.

Психологические причины проблем с властью

При ближайшем рассмотрении история взаимоотношения личности с властными фигурами в социуме оказывается отражением ее глубинной истории, ведущей начало с раннего детства.

Первое знакомство с тем, что такое власть, человек получает в семье. Фигуры родителей – это одновременно и закон, и власть, причем власть, ничем не ограниченная.

Маленький ребенок не имеет никаких возможностей противостоять этой власти, она абсолютна и тоталитарна. Рассчитывать в этой ситуации приходится только на то, что властные фигуры добровольно сделают то, чего хочет ребенок, и для этого ему приходится добиваться их расположения хорошим поведением и соблюдением всех неписаных правил, которые он постепенно усваивает. Он подчиняется часто из страха наказания или – если с ним разговаривают и все объясняют – за то, чтобы похвалили и чтобы получить хорошую оценку своих человеческих (моральных качеств.) Ведь хороший ребенок – это прежде всего послушный ребенок, уважающий старших, понимающий других, выполняющий правила. Он учится ставить свои личные интересы на второе место, отказываться от своих желаний, чувств, а постепенно, взрослея, – от мыслей и убеждений, если они не соответствуют тому, что должно.

Осознание того, что такое власть как таковая, на уровне ощущений и впоследствии глубинных убеждений, приходит именно в раннем детстве и очень сильно зависит как от психологической конституции (степени восприимчивости, ранимости, психической устойчивости) ребенка, так и особенностей воспитания и стиля взаимоотношений в семье. О злоупотреблениях властью, с которыми сталкиваются маленькие дети в семье и в детских учреждениях, пишет уже упоминавшийся выше П.Миллер². Драма ребенка состоит в том, что его поведение, его переживания и сама его жизнь могут оказаться и, как правило, реально оказываются всего лишь средствами, обслуживающими те или иные потребности его

родителей. Родители сами нуждаются в эмоциональной подпитке и нередко, не умея получать ее от других взрослых в силу своих психологических особенностей, получают ее от ребенка. Таким образом, собственная жизнь ребенка становится «жизнью для...», он учится отказываться от своих желаний, интересов, становясь все более послушным и благовоспитанным. В обмен на отказ от себя, своего «Я» ребенок получает то, без чего он не может существовать: любовь, похвалу, одобрение, внимание родителей.

Приспособление к родительским потребностям зачастую, хоть и не всегда, приводит к превращению ребенка в «псевдоличность», развитию *мнимого Я*. Человек ведет себя так, как от него хотят, и постепенно этот тип поведения начинает определять все его поступки и помыслы. Его подлинное «Я» остается в зачаточном состоянии, так как отсутствуют какие-либо возможности для его становления.

Неудивительно, что в итоге, став взрослым, человек поневоле становится либо предельно послушным, как маленький беспомощный ребенок, и такого человека очень легко подчинить, запугать, либо, наоборот, начинает играть противоположную роль – роль тирана, как бы отыгрываясь за свое бесправное детство. Возможно, все жестокие и бесчувственные люди испытали в детстве подобное обращение с собой, только они вынесли не покорность, а наоборот, стремление покорять и получать удовольствие от безграничной власти над другими. В одной из глав своей книги «Вначале было воспитание» (на английском языке эта книга была издана под названием «For your own good»³) – «Для вашего собственного блага») А.Миллер предлагает анализ психологических условий становления личности Адольфа Гитлера – человека, *полностью* лишенного раннего детского опыта принятия со стороны значимых близких людей и в первую очередь – отца и матери.

Ответом на детскую травму становится так называемое «стремление к повторению», и существует два варианта. В активной позиции, как уже говорилось выше, это повторение проявляется в стремлении человека поступать с другими так, как поступили когда-то с ним. В пассивной – в склонности повторять травматический опыт без смены ролей, и такой вариант чаще встречается у женщин, нежели у мужчин. Такой человек может всю жизнь попадать в одни и те же, похожие ситуации: ему попадают агрессивные и жестокие сексуальные партнеры, или же постоянно под-

вергают гонениям на работе, увольняют без видимых причин и т.п. Повторяемость неприятностей – первый признак того, что их причина не в случайном совпадении внешних обстоятельств, а в глубинных психологических проблемах самого пострадавшего.

Следует понимать, что ни один из вариантов не является лучше другого. И тот, и другой являются разрушительными и для самой личности, и для ее окружения. Если довести этот принцип до логического завершения, можно выразиться так, как сказал Алон Грэтч: «Тот, кто убивает других, в конечном итоге убьет или другим способом уничтожит себя, а тот, кто убивает себя, в результате разрушает жизни других людей – семьи, друзей или тех, кто “дурно поступал с ним”»⁴.

Взаимоотношения с фигурами власти не ограничиваются родителями. Разумеется, эмоциональный фон отношения к власти как таковой всегда будет определяться полученным в детстве опытом, который, как выясняется, всегда является в той или иной степени травматичным. Постепенно ребенок начинает понимать, что, помимо его родителей, существуют и другие властные фигуры, которые могут (о ужас!) к чему-то принудить не только его, но и самих родителей, казавшихся ему всемогущими. Столкновение с органами власти, ситуации, когда кто-то может повлиять на волю родителей, будь то милиционер или школьный учитель, являются началом политической социализации ребенка. Попадая в сообщества вне семьи (детский садик, затем школа и институт), ребенок оказывается в принципиально новых для себя условиях. По сравнению с домашней ситуацией, где, с одной стороны, была тотальная власть родителей, с другой – особое положение ребенка, где он мог претендовать на внимание и любовь носителей власти, в детских коллективах как бы все равны. Однако это равенство кажущееся. Внутри этих коллективов довольно быстро начинают выстраиваться свои структуры: выявляются лидеры и аутсайдеры, подчиненные и непокорные, идет своя непростая социальная жизнь. Уже в этом возрасте начинают разыгрываться те «драмы с повторением», о которых говорилось выше: у проблемных детей развиваются либо сверхпокорность и готовность сносить любое дурное обращение, либо стремление доминировать любой ценой. Невероятная порой жестокость, встречаемая в детских коллективах, объясняется тем, что дети живут в основном эмоциями и еще

не научены контролировать и сдерживать себя. Далее те же тенденции будут проявляться мягче либо, если воспитатели вовремя обратят внимание и сумеют правильно воздействовать на динамику развития детского коллектива, видоизменятся до вполне приемлемых цивилизованных форм.

В то же время у каждого ребенка формируется свое отношение к так называемой центральной власти – воспитателю или учителю. Первоначальное отношение детей к носителям власти, как правило, положительное, и тем лучше, чем меньше возраст ребенка, так как действует механизм переноса отношения к родителям, к которым ребенок пока еще относится с доверием. С возрастом ребенок начинает относиться более критично как к конкретным фигурам власти, так и к общим для всех законам и правилам, которые он постепенно осваивает. Однако это отношение обусловлено множеством факторов: социальным положением семьи, политическими взглядами родителей и их стилем отношения к ребенку – с одной стороны, и отношения к властным структурам общества – с другой. Как правило, ребенок перенимает политические установки, принятые в его семье. Однако характер взаимоотношений в детском коллективе: степени свободы, предоставляемые ребенку, возможность защиты своих прав, понимание законов и правил, стоящих выше и ученика, и учителя, – не в меньшей степени формирует установки, впоследствии способные повлиять на всю его взрослую жизнь. Влияние взрослых, вовлеченных в жизнь детского коллектива, сложно переоценить: можно в достаточно большой степени выправить те проблемы, которые дети принесли с собой из своих семей, выявляя и выращивая в них стремление к добру и сотрудничеству.

Следующая ступень социализации – понимание того, что власть это не просто определенные фигуры, облеченные властью, а прежде всего особые правила, нормы, принятые в обществе. Для того чтобы достичь этой ступени, понять, в чем состоит суть общественных институтов, индивиду необходимо пройти длительный и непростой путь личностного развития. Даже многие взрослые люди не вполне понимают, что власть отдельного судьи и власть закона – это не одно и то же. Разумеется, то и дело встречаясь с беззаконием и злоупотреблениями в общественных институтах, можно разувериться в силе и даже самом факте наличия законов, однако человечество стоит (все еще) именно благодаря тому, что

существуют законы и стремление их выполнять. Фаталистическое отношение к внешнему миру вообще и к власти в частности весьма свойственно российскому менталитету. Часто можно слышать, как нас всех лишают права судить и решать. Однако у любой медали есть обратная сторона. Если оставить все как есть и не менять ничего ни в своем окружении, ни в мировоззрении, то означает: следует принять факт, что тем самым мы просто стремимся избавиться от ответственности, от труда судить и решать.

Даже изучив причины наших проблем с властью и осознав всю глубину психических травм, полученных когда-то, наивно ожидать, что все образуется само собой, без каких-то серьезных усилий по осознанию того факта, что человек постоянно вносит свой собственный вклад в создание структур власти в обществе. Помещая другого в высокое и центральное место в нашей социальной панораме, мы сами подготавливаем себя к тому, чтобы подчиниться и тем самым лишиться себя даже тех прав, которые у нас никто не собирался отнимать. Обычно сила и мощь власти зависит не только от носителя авторитета, но и от глубины чувства покорности и готовности подчиниться и противоположной стороны.

Человек является жертвой только своих собственных социальных структур, в то время как эти структуры легко изменить и эти изменения в его власти. Не случайно общества, находящиеся в состоянии войны, осуждают интеллектуальный анализ врага: размышление является по сути некой подрывной деятельностью, так как подвергает сомнению не только объект исследования, но и все наше восприятие действительности. А понять не только причины, но и саму суть наших проблем с властью, осознать, как мы продолжаем создавать эти проблемы сами, – значит сделать первый шаг к преодолению их.

Примечания

- ¹ Миллер А. Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я / Пер. с нем. М., 2001.
- ² Там же.
- ³ Miller A. For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence / Translated by Hildegard and Hunter Hannum Farrar – Straus – Giroux. N. Y., 2002.
- ⁴ Грэтч А. Как правильно читать слова и мысли мужчин. М., 2004. С. 278.